

**С. И. Алексеева**

## Русская православная церковь и проблемы межконфессионального диалога в годы Первой мировой войны

Отношение Русской православной церкви к межконфессиональному диалогу в годы Первой мировой войны принадлежит к числу малоизученных тем. Церковь подошла к началу войны с целым рядом нерешенных проблем, значительная часть которых касалась важнейших аспектов межконфессионального взаимодействия. Проблемы в этой сфере имели солидный исторический стаж. Причины их нерешенности или даже неразрешимости лежали в области догматики, канонического права и зависимости позиции церкви от внешней и внутренней политики государства. Само понимание межконфессионального диалога в России начала XX в. было весьма ограниченным и подразумевало обмен богословскими мнениями о возможности межконфессионального единства лишь с небольшим числом религиозных направлений внутри христианства — старокатоликами, англиканами и мариавитами. Не проводился подобный диалог с непризнанными конфессиями — униатской церковью, старообрядчеством и сектантством. Здесь в дело вступали приемы православной миссии.

В канун Первой мировой войны постепенно замирала деятельность синодальных комиссий по старокатолическому и англиканскому вопросам. Со смертью главных двигателей старокатолического вопроса, генерала А. А. Киреева и протопресвитера придворного духовенства И. Л. Янышева, по догматическим основаниям был прерван обмен мнениями со старокатоликами и присо-

единившимися к ним мариавитами. Более содержательным на фоне сближения России с Великобританией в рамках Антанты выглядел диалог с Англиканской церковью. В 1912 г. четыре англиканских епископа в составе парламентской делегации Великобритании посетили Россию. В Петербурге они присутствовали на нескольких церковных службах: всенощном бдении в Казанском соборе, литургии и хиротонии епископа Горийского Антония (Георгадзе) в Александро-Невской лавре, а в последний день своего визита провели службу в англиканской церкви в присутствии русских архиереев, членов Синода<sup>1</sup>. В итоге признания англиканского священства со стороны Русской православной церкви не произошло, но отношения были улучшены за счет установления личных контактов между представителями двух церквей<sup>2</sup>. В 1914 г. для развития этих связей была учреждена синодальная комиссия. Впрочем, отсутствие активных действий Великобритании по оказанию военной помощи России осенью 1914 г. охладило и эти отношения.

Между тем война перевела проблемы межконфессионального диалога в практическую плоскость. Несмотря на незавершенность богословских дискуссий, православному клиру и православным мирянам приходилось коммуницировать с представителями иных конфессий, в том числе непризнанных, на фронте и в тылу. И здесь возникает вопрос: выходила ли практика таких коммуникаций за пределы позиций, достигнутых в ходе предвоенного диалога?

Религиозное обоснование играло большую роль в легитимации Первой мировой войны<sup>3</sup>. Однако увязать его с одним из главных военных лозунгов — темой единства страны и нации — было непросто. Доктрина «народного самодержавия» — модифицированный вариант уваровской триады — не учитывала фактор поликонфессиональности Российской империи. Тем же недостатком отличалась идея священной войны за христианские ценности, уже не говоря о том, что воюющие стороны нередко принадлежали к одним и тем же конфессиям.

Не было четкого понимания этой проблемы и в стане первенствующей Русской православной церкви, где идеал победы — достижение «мирного царства Божия» — даже на уровне официального органа Синода, «Церковного вестника», мог представляться как победа над «ересями» протестантизма, католицизма, мусульманства, баптизма и прочих религиозных направлений<sup>4</sup>. Этот взгляд продолжал держаться, несмотря на то что послание Синода по поводу манифеста Николая II о вступлении России в войну с Германией было выдержано скорее не в конфессиональном, а в политическом духе<sup>5</sup>.

Уже в начале войны Синод предписал совершать моления о даровании победы не только российскому воинству, но и воинству союзников<sup>6</sup>. А 3 ноября 1914 г. протопресвитер армии и флота Г. И. Шавельский выпустил специальное указание духовенству действующей армии «избегать по возможности всяких религиозных споров и обличений иных исповеданий, а равным образом зорко следить, чтобы в походные полковые и госпитальные библиотеки для воинских чинов не попадали брошюры и листки со встречающимися в них резкими

выражениями по адресу католичества, протестантства и др[угих] исповеданий, так как подобные литературные произведения могут оскорблять религиозное чувство принадлежащих к этим исповеданиям и ожесточать их против Православной церкви, а в воинских частях сеять пагубную для дела вражду». Правоту Православной церкви предлагалось подтверждать «не словом обличения инаковерующих, а делом христианского самоотверженного служения, как православным, так и инославным, памятуя, что и последние проливают кровь за Веру, Царя и Отечество и что у нас с ними один Христос, одно евангелие и одно крещение, и не упуская случая, чтобы послужить уврачеванию и их духовных и телесных ран»<sup>7</sup>.

Диалог со славянами, меньшими братьями, «родными по вере и по племени», как говорилось о них в послании Синода, был выдержан в рамках миссии по воссоединению с Православной церковью и ограничивался религиозно-политическими акциями солидарности. Акции эти не отличались выдающейся массовостью. В храме Воскресения Христова на Крови в начале войны прошел молебен болгарской колонии в Петербурге. В Казанском соборе столицы состоялся акт воссоединения с православием 42 чехов. Отряд чехов-гуситов, приняв православие, отбыл осенью 1914 г. на театр военных действий<sup>8</sup>.

К гуситам отношение было особое. Фигура Яна Гуса в преддверии 500-летия со дня гибели идеолога чешской Реформации олицетворяла идею славянского братства в его вековой борьбе против немецкой агрессии<sup>9</sup>. Но, когда настоятель Казанского собора протоиерей Ф. Орнатский подал 22 июня 1915 г. в Синод памятную записку по вопросу о допустимости совершения торжественных литургий и панихид по Яну Гусу, Синод не признал возможным преподать на это благословение, так как умер Гус вне общения с Православной церковью<sup>10</sup>.

В конечном итоге уже современники, причастные к делу, констатировали «неразрешимость задачи расширения православия среди чехов». Современные исследователи данной темы также оценивают попытки обращения чехов в православие в годы войны как неудачные, диктовавшиеся не актами веры, а политическими обстоятельствами<sup>11</sup>.

В январе 1915 г. в Петрограде, по решению Синода, было учреждено Североамериканское православное братство во имя св. равноапостольного князя Владимира для содействия «распространению православия в Америке и единению русских галичан, буковинцев, угрорусов и других славянских народностей Америки с русским народом»<sup>12</sup>. С восторгом в первую неделю Великого поста 1915 г. в Исаакиевском соборе, освященном в честь подвижника славянской Далматии, был встречен чин воссоединения 150 галицко-русских учителей и учительниц, прибывших из-под Карпат. Однако уже тогда раздавались голоса о несвоевременности данного акта, и в подтверждение «приводились доказательства даже стратегического свойства»<sup>13</sup>.

С самого начала военных действий обозначилась проблема окормления на фронте военнослужащих-иноверцев вследствие недостатка священнослужителей инославных исповеданий и храмов. В декабре 1915 г. преосвященный

Минский Митрофан (Краснопольский) отправил в Синод ходатайство о распоряжении, чтобы совершение католических месс в православных храмах для солдат-католиков не было разрешено военным властям<sup>14</sup>.

Своими впечатлениями о пережитом на передовых позициях делился духовник санитарного поезда великой княгини Марии Павловны К. М. Околович: «Священник в армии сейчас крайне необходим, и к нему устремляются все — и раненые после боя и здоровые перед боем. <...>

Там, где идет постоянная борьба жизни со смертью, больше молятся, чаще вспоминают о Боге и, конечно, зовут священника»<sup>15</sup>.

Будучи до войны православным миссионером и правым депутатом 4-й Государственной думы, К. М. Околович выступал против католической экспансии в юго-западных губерниях, против униатов, сектантов и «еврейского засилья»<sup>16</sup>. Но, оказавшись на передовой, как и другие священники, был вынужден идти по пути выработки «особой надконфессиональной идентичности», как назвала это явление профессор Т. Г. Леонтьева<sup>17</sup>. Свидетельствовал он об уважительном отношении клириков разных конфессий друг к другу, а также об отсутствии актов прозелитизма при пастырском попечении раненых иноверцев<sup>18</sup>. Насколько эта картина была в целом характерна для межконфессиональных отношений в годы войны, требует отдельного исследования.

Так, по воспоминаниям городского головы Петрограда И. И. Толстого, часто сопровождавшего высочайших особ при посещении госпиталей и лазаретов столицы, императрица Александра Федоровна, беседуя с ранеными, собственноручно надевала всем подряд на шею образки, без разбора вероисповедной принадлежности, даже иудеям<sup>19</sup>.

Еще острее проблема окормления своих и чужих стояла на занятых у противника в ходе военных действий территориях Галиции, населенных униатами и католиками. «Бедняги солдаты (православные. — С. А.), шедшие на фронт, а потому почти на верную смерть, — вспоминал митрополит Евлогий (Георгиевский), — не имели возможности причаститься, ходили к униатам, там молились и причащались» и даже вместе с ними молитвенно обращались к гонителю православия Иосафату Кунцевичу. Евлогий, которому была поручена реализация официальной линии Синода в Галиции, примириться с этим не мог и обратился для разрешения проблемы к протопресвитеру Г. И. Шавельскому<sup>20</sup>.

Точно так же униаты подходили под благословение к самому Шавельскому в Львове. К этому времени ускоренное обращение униатов в православие, практиковавшееся митрополитом Евлогием, создало угрозу для конфессионального мира в прифронтовом тылу, что обеспокоило генерал-губернатора Галиции Г. А. Бобринского и Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича<sup>21</sup>.

В феврале 1915 г. Шавельский обратился с рапортом в Синод за указанием, как поступать при обращении галицийских униатов с просьбами о совершении треб и богослужений: «...не следует ли самый факт обращения их к православному священнику считать за воссоединение и без шуму и всяких

торжественных формальностей не отказывать и, при отсутствии у них своего священника, ни в совершении богослужения, ни в исполнении треб». Отречение от догматов о филиокве и главенстве папы протопресвитер при этом назвал «обрядовой формальностью» и выполнением «буквы в данном случае мертвого закона»<sup>22</sup>. Таким образом, Шавельский предлагал в разрешении проблемы обратиться к важнейшему в церковном праве принципу икономии.

Канонисты понимают икономию как основанное на целесообразности единичное несоблюдение некоего, в иных условиях обязательного для исполнения канонического предписания. Несмотря на то что икономия широко и многообразно применялась еще в Византии, систематического учения об этом важнейшем церковно-правовом принципе и пределах его применения разработано не было. Согласие было достигнуто лишь в том, что икономия не должна применяться в вопросах, затрагивающих христианскую догму<sup>23</sup>.

Наиболее точное определение икономии, по мнению крупнейшего специалиста в области византийского права С. Н. Трояноса, дал немецкий историк-византист Х.-Г. Бек: «Икономия обеспечивает широкую гамму средств, чтобы быть готовым к встрече с правовой или фактической аномалией. Она содержит в себе как единичное освобождение от соблюдения определенной нормы, так и возможность устранения противоречий внутри закона, противоречий между законом и требованиями текущего момента, в частности — между церковным правопорядком и императорской политикой, а также между человеческой слабостью и христианским идеалом»<sup>24</sup>.

Применять икономию имеют право только архиереи. Священники используют ее исключительно по делегированному праву и ограниченно: при исповеди, в вопросах душепопечения (например, индивидуального поста), служения литургии в экстренных случаях вне храма (если имеют заранее согласие епископа) и т. д.<sup>25</sup>

В Русской православной церкви особую важность этот принцип приобрел в связи с проблемой чиноприема инославных.

Единства по вопросу о границах применения икономии в этом вопросе среди русских клириков в начале XX в. не было. И передача рапорта Шавельского в Синод могла вызвать не только религиозно-политическую, но и богословскую дискуссию. Решили бюрократически. Ответа на свой рапорт он не получил. Обер-прокурор Синода В. К. Саблер приказал рапорт протопресвитера членам Синода не докладывать<sup>26</sup>. Не помогло и прямое обращение Шавельского к императору Николаю II с разъяснением несвоевременности «ревности не по разуму», опасности воссоединения униатов из-за нестабильности линии фронта и нежелательности «в виду международных отношений, так как союзники наши — французы и итальянцы — католики»<sup>27</sup>.

Во время войны в применении икономии возник еще один аспект, связанный с вопросом молитвенного общения священнослужителей стран-союзниц Антанты. Церковные каноны запрещают совместные молитвы с инославными под угрозой извержения из сана клириков и отлучения мирян. Такое общение рассматривается как потворство колебаниям и индифферентизму в вере, безразличию в вопросе обращения иноверцев в православие<sup>28</sup>.

Хроника «Нивы», весьма популярного в России журнала, адресованного самой массовой аудитории, дает уникальные примеры применения икономийного подхода в этой сфере в годы Первой мировой войны.

Первый случай был связан с торжественным открытием городского лазарета № 171 имени английского короля Георга V на Невском пр., д. 55, сопровождавшимся чином малого водосвятия. В литературе, посвященной санитарному делу Первой мировой войны, существует ошибочное представление о том, что этот лазарет был учрежден англичанами. На самом деле устройством лазарета занимался Петроградский городской комитет Всероссийского союза городов. Как и все городские номерные лазареты, он финансировался из казны. Непосредственно заведовал лазаретом назначенный попечитель, именно он был «действительным хозяином лечебного заведения» и инициатором присвоения ему того или иного имени<sup>29</sup>. На открытии лазарета присутствовали посол Великобритании в России Д. У. Бьюкенен, его супруга и дочь Мюриэл — сестра милосердия. Сэр Д. Бьюкенен передал городскому голове И. И. Толстому 1000 р. в качестве пожертвования английского короля<sup>30</sup>.

Интересно, что Бьюкенен и его дочь, оставившие мемуары о пребывании в России, опустили рассказ об этом событии. Не упоминает о нем в своем дневнике и граф И. И. Толстой, не посещавший такие мероприятия только по причине загруженности неотложной работой. Тем не менее нашелся человек, отметивший неординарность состоявшегося торжества. Им оказался цензор Петроградской военно-цензурной комиссии Семен Васильевич Недачин. Недачин являл собой редкий пример высокопрофессионального сотрудника военной цензуры, осуществлявшей в годы войны тотальный контроль над всей выходящей прессой. Сын православного священника, знаток восточных языков, православный публицист, много писавший о распространении православия в Японии и Корее, в годы войны Недачин одновременно являлся чиновником двух министерств — внутренних и иностранных дел. Также он выступал как военный журналист и библиограф. Все это не позволяет заподозрить его в канонической некомпетентности.

В номере «Нивы» от 21 февраля 1915 г., по случаю открытия лазарета, была размещена подписанная криптонимом «С. Н-н» заметка С. В. Недачина «Под стягом Великой войны». В ней говорилось:

«В этой стихийной войне все перемешалось, произошла переоценка всех ценностей. Недавние наши враги стали близкими нашими друзьями. <...>

Пред нами еще одно чудо: даже вера наша, строгая православная вера идет с любовью навстречу религиозному общению с инаковерующими. Мог ли кто у нас не только увидеть, но подумать, чтобы православный пастырь совершал в полном облачении торжественный молебен в сослужении с английским пастором, с ним рядом стоящим в священном облачении англиканской церкви? Но случилось и это... На торжестве освящения английского лазарета в Петрограде два пастыря — православный и англиканский — вместе, одним священным служением, приносили соединенные молитвы паств к Престолу Божию»<sup>31</sup>.

Заметка сопровождалась рисунком, на котором были изображены участники торжества, наблюдавшие, как православные протоиерей и дьякон в полном облачении (видимо, из причта Казанского собора) совершали чин малого водосвятия в сослужении с епископом Фулхэма Гербертом Бьюри, епископом-суффражистом Лондонской епархии, осуществлявшим надзор над англиканскими церквями в Северной и Центральной Европе<sup>32</sup>.

Авторство и способ исполнения иллюстрации наталкивают на мысль, что ведомства России и Великобритании, отвечавшие за разработку программ военной пропаганды, решили задействовать в ней в 1915 г. вопросы межконфессионального диалога. Как известно, участники Первой мировой войны вступили в нее без подготовленной программы пропаганды. В России за эту задачу отвечали Министерство иностранных дел, военные ведомства, Ставка Верховного главнокомандующего<sup>33</sup>, свою лепту вносила и пресса.

В январе 1915 г. Военным министерством и Ставкой Верховного главнокомандующего перед Министерством иностранных дел была поставлена задача использовать все доступные средства для влияния на заграничное общественное мнение с целью усиления симпатий к России со стороны внешнего мира<sup>34</sup>. С. В. Недачин, отвечавший за официальную пропаганду целей войны со стороны министерств, был явно задействован в этом процессе.

Рисунок к его заметке исполнил английский художник Фрэнсис Эдгар Додд по натурному наброску акварелиста Генри Кумминга, первого учителя рисования писателя В. В. Набокова, чьи работы находились в личном собрании Николая II. Г. Д. Кумминг в течение 25 лет преподавал рисование и живопись в различных учреждениях столицы, от Императорского училища правоведения до Технической школы Адмиралтейского судостроительного завода, и 20 лет участвовал в выставках Санкт-Петербургского общества художников<sup>35</sup>. Работал он и как художник-иллюстратор. Ф. Э. Додд являлся сотрудником Британского бюро военной пропаганды при Министерстве иностранных дел — знаменитого Веллингтон Хауса, законодателя мод в формировании общественного мнения воюющих стран. В 1916 г. он был назначен официальным военным художником Бюро<sup>36</sup>.

Тем не менее практика сослужения с англиканами развития не получила. И когда в 1916 г. открывали крупнейший англо-русский госпиталь во дворце великого князя Дмитрия Павловича на углу Невского проспекта и набережной реки Фонтанки под патронажем вдовствующей и царствующей императриц, ограничились православным молебном<sup>37</sup>.

Второй, отмеченный «Нивой» икономийный эпизод был связан с пребыванием особых русских пехотных бригад, известных как Русский экспедиционный корпус, на Западном фронте. Многими военными этот вариант выполнения Россией союзнического долга оценивался негативно. «В таких условиях русские части оказались за границей почти отрезанными от Родины, в дни переломных событий, которыми менялся дальнейший ход истории в России, и в которых русские люди с трудом разбирались даже у себя на родной земле», — отмечал

генерал-квартирмейстер Ставки Ю. Н. Данилов<sup>38</sup>. Ему вторил представитель русской армии при французской главной квартире граф А. А. Игнатьев:

«Проект этот, — писал я, — доказывает:

- 1) Полное незнание духа и чувств русского народа;
- 2) Пренебрежение религиозной, служебной и даже материальной стороной солдатской жизни...»<sup>39</sup>

В корреспонденции «Нивы» «У союзников Бог один» от 30 июля 1916 г. сообщалось о случае «трогательного и знаменательного единения представителей двух религий — католического прелата и английского епископа» на западном англо-французском фронте и о еще более значительном событии в центре подготовки солдат Русского экспедиционного корпуса на Западном фронте: «В лагере Майльи, во Франции, где наши храбрецы не могли дожидаться минуты, когда им позволят стать рядом с французскими товарищами под огнем врага, произошел недавно еще более характерный случай. В войсках генерала Лохвицкого много поляков-католиков. Местный католический архиепископ выразил желание их посетить. Это вызвало большое волнение среди православных. Оба полковых священника стали обсуждать, как им принять гостя. В результате архиепископ был принят, как русский владыка. Когда он вошел в полковую церковь, его встретили, как православного архиерея. Он прослушал обедню (литургию. — С. А.), вошел в алтарь, произнес присутствующим слово и, по выходе, благословил войска, выстроенные перед церковью»<sup>40</sup>.

Неординарность этой ситуации состояла в том, что, по контексту заметки, решение о приеме католического прелата было ситуационным и принималось самими полковыми клириками, не уполномоченными на применение икономии. Одним из них был знаменитый герой Первой мировой протоиерей А. А. Богословский, полковой священник 2-го Особого полка бригады Н. А. Лохвицкого.

Таким образом, возможности межконфессионального диалога для укрепления рядов Антанты в годы Первой мировой войны были весьма ограничены. Тактика «надконфессиональной идентичности» оказывалась оптимальной в условиях военных действий и нерешенности множества проблем в межконфессиональных отношениях. Практика этих отношений в целом не выходила за пределы позиций, достигнутых в ходе предвоенного диалога. Инструментом «надконфессиональной идентичности» выступал церковно-правовой принцип икономии. Отмеченные случаи икономийного подхода в вопросах межконфессионального диалога не превращались в прецедент и не касались догматических разногласий. Отступление от канонов в приведенных примерах диктовалось военно-политическими соображениями, укреплением единства в рядах Антанты и использовалось в военно-пропагандистских кампаниях, формировавших общественное мнение воюющих стран. Свидетельства о подобных уникальных событиях попадали прежде всего на страницы периодической печати. Пресса также описывала их как частные исключения из правила, как целесообразные действия в текущих обстоятельствах, как «редкое религиозное торжество единения церквей во имя общего служения страждущему брату, пролившему кровь в союзной войне»<sup>41</sup>.

- <sup>1</sup> Англиканские епископы в Петербурге // Русский паломник. 1912. № 6. С. 93–94.
- <sup>2</sup> Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 88.
- <sup>3</sup> Поршнева О. С. «Настроение 1914 года»: к переосмыслению историографической метафоры (Россия и Запад) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2008. № 2. С. 40.
- <sup>4</sup> Церковный вестник. 1914. 25 декабря, № 52. Стб. 1573.
- <sup>5</sup> Вера и разум. 1914. № 14. С. III–IV.
- <sup>6</sup> Церковные ведомости. 1914. 2 августа, № 31. С. 358–360.
- <sup>7</sup> Духовенству действующей армии (о сохранении мира с воинами иноверцами) // Руководственные указания духовенству действующей армии / 2-е изд. М., 1916. С. 42–43.
- <sup>8</sup> Нива. 1914. № 32. С. 640б; № 33. С. 643; № 35. С. 696.
- <sup>9</sup> Галямичев А. Н. 500-летие со дня трагической гибели Яна Гуса и русское общество в годы Первой мировой войны // Известия Саратовского университета. Новая сер. Сер. История. Международные отношения. 2015. Т. 15, № 2. С. 40.
- <sup>10</sup> Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 201. VI отд. 3 стол. Д. 177. Л. 1–3.
- <sup>11</sup> Ненашева З. С. Чехи в России в годы Великой войны: между православием и католицизмом // Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал. 2019. № 1–2. С. 161–187.
- <sup>12</sup> Отклики войны. Североамериканское православное братство // Нива. 1916. № 20. С. 4.
- <sup>13</sup> Отклики войны. Торжество православия // Нива. 1915. № 9. С. 4.
- <sup>14</sup> РГИА. Ф. 796. Оп. 201. VI отд. 3 стол. Д. 315. Л. 1–3.
- <sup>15</sup> Отклики войны. Крест на войне // Нива. 1915. № 2. С. 4.
- <sup>16</sup> Щеглов Г., свящ. Знаменитые выпускники Минской духовной семинарии. Биографический справочник. Жировичи, 2016. С. 130–131.
- <sup>17</sup> Леонтьева Т. Г. Православное духовенство в годы Первой мировой войны // Россия и современный мир. 2014. № 2. С. 109.
- <sup>18</sup> Отклики войны. Крест на войне // Нива. 1914. № 41. С. 2; № 42. С. 2.
- <sup>19</sup> Толстой И. И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 550.
- <sup>20</sup> Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. М., 1994. С. 244.
- <sup>21</sup> Соколов А. Р. Воссоединительные церковные проекты 1914–1915 гг. в Галиции и Закарпатье по мемуарам Георгия Шавельского // Русин. 2016. № 2. С. 66–68.
- <sup>22</sup> Шавельский Г., протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота: в 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 174–176.
- <sup>23</sup> Пашков Дм., свящ. Икономия как принцип церковного права // Журнал Московской патриархии. 2011. № 8. С. 34–38.
- <sup>24</sup> Цит. по: Троянос С. Н. Понятие «икономия» в византийском праве (с учетом современной греческой канонистики) / Пер. с нем. свящ. Д. Пашкова // Богословские труды. Юбилейный вып. 43–44. М., 2012. С. 500.
- <sup>25</sup> Пашков Дм., свящ. Икономия как принцип церковного права. С. 38.
- <sup>26</sup> Шавельский Г., протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 1. С. 175–176.
- <sup>27</sup> Там же. С. 180–182.
- <sup>28</sup> Цыпин В., прот. О молитвенном общении с инославными с канонической точки зрения // Миссионерское обозрение. 1997. № 4. URL: [https://azbyka.ru/otechnik/Vladislav\\_Tsypin/o-molitvennom-obshenii-s-inoslavnymi-s-kanonicheskoy-tochki-zrenija/](https://azbyka.ru/otechnik/Vladislav_Tsypin/o-molitvennom-obshenii-s-inoslavnymi-s-kanonicheskoy-tochki-zrenija/) (дата обращения 15.01.2026).
- <sup>29</sup> Очерк деятельности Петроградского городского комитета Всероссийского союза городов. Пг., 1916. С. 115–116.
- <sup>30</sup> Пожертвование английского короля // Вестник Российского общества Красного креста. 1915. № 4. С. 1316.
- <sup>31</sup> С. Н-н. Под стягом Великой войны // Нива. 1915. № 8. С. 160.
- <sup>32</sup> Амбарцумов И. В. Англиканская Церковь в Российской империи (конец XIX — начало XX в.) // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 2 (63). С. 20.

- <sup>33</sup> Астахов А. Б. Пропганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 11.
- <sup>34</sup> Там же. С. 29.
- <sup>35</sup> РГИА. Ф. 789. Оп. 6. 1869 г. Д. 179. Л. 20.
- <sup>36</sup> Sanders M. L., Taylor Ph. M. *British Propaganda in the First World War*. London, 1982. P. 157–159.
- <sup>37</sup> Кушцова И. В. Англо-русский госпиталь в Петрограде // Клио. 2011. № 5. С. 91.
- <sup>38</sup> Данилов Ю. Н. Русские отряды на французском и македонском фронтах, 1916–1918 гг.: по материалам архивов Французского Военного Министерства. Париж, 1933. С. 60.
- <sup>39</sup> Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1986. С. 606.
- <sup>40</sup> Отклики войны. У союзников Бог один // Нива. 1916. № 31. С. 4.
- <sup>41</sup> С. Н-н. Под стягом Великой войны. С. 160.

## References

Ambartsumov, I. V. *Anglikanskaya Tserkov' v Rossiiskoi imperii (konets XIX — nachalo XX v.)* [The Anglican Church in the Russian Empire (Late 19<sup>th</sup> — early 20<sup>th</sup> Centuries)]. In Russ.]. In *Vestnik PSTGU II: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*. 2015. Iss. 2 (63), pp. 18–32.

Astashov, A. B. *Propaganda na Russkom fronte v gody Pervoi mirovoi voyny* [Propaganda on the Russian Front during the First World War. In Russ.]. Moscow, Spetskniga publ., 2012, 400 p.

Galyamichev, A. N. 500-letie so dnya tragicheskoi gibeli Yana Gusa i russkoe obshchestvo v gody Pervoi mirovoi voyny [500<sup>th</sup> Anniversary of the Tragic Death of Jan Hus and Russian Society during the First World War. In Russ.]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya ser. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2015. Vol. 15, no. 2, pp. 39–42.

Kuptsova, I. V. *Anglo-russkii hospital' v Petrograde* [Anglo-Russian Hospital in Petrograd. In Russ.]. In *Klio*. 2011. No. 5, pp. 89–93.

Leont'eva, T. G. *Pravoslavnoe dukhovenstvo v gody Pervoi mirovoi voyny* [Orthodox Clergy during the First World War. In Russ.]. In *Rossiya i sovremennyi mir*. 2014. No. 2, pp. 104–119.

Nenasheva, Z. S. *Chekhi v Rossii v gody Velikoi voyny: mezhdru pravoslaviem i katolitsizmom* [Czechs in Russia during the Great War: between Orthodoxy and Catholicism. In Russ.]. In *Vishegradskaya Evropa. Tsentral'noevropeiskii zhurnal*. 2019. No. 1–2, pp. 161–187.

Pashkov, D., svyashch. *Ikonomiya kak printsip tserkovnogo prava* [Oikonomy as a Principle of Church Law. In Russ.]. In *Zhurnal Moskovskoi patriarkhii*. 2011. No. 8, pp. 34–40.

Porshneva, O. S. "Nastroenie 1914 goda": k pereosmysleniyu istoriograficheskoi metafory (Rossiya i Zapad) ["The Mood of 1914": Rethinking the Historiographical Metaphor (Russia and the West). In Russ.]. In *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Ser. Istoriya Rossii*. 2008. No. 2, pp. 39–50.

Sanders, M. L., Taylor, Ph. M. *British Propaganda in the First World War*. London, Red Globe Press, 1982, 320 p.

Sokolov, A. R. *Vossoedinitel'nye tserkovnye proekty 1914–1915 gg. v Galitsii i Zakarpat'e po memuaram Georgiya Shavel'skogo* [Reunification Church Projects of 1914–1915 in Galicia and Transcarpathia Based on the Memoirs of George Shavelsky. In Russ.]. In *Rusin*. 2016. No. 2, pp. 58–72.

Troyanos, S. N. *Ponyatie "ikonomiya" v vizantiiskom prave (s uchetoм sovremennoi grecheskoi kanonistiki)* [The Concept of "oikonomy" in Byzantine Law (Taking into Account Modern Greek Canonistics). In Russ.]. In *Bogoslovskie trudy. Yubileinyi vyp. 43–44*. Moscow, 2012, pp. 485–502.

Tsypin, V., prot. *O molitvennom obshchenii s inoslavnyimi s kanonicheskoi tochki zreniya* [On Prayerful Communion with the Non-Orthodox from a Canonical Point of View. In Russ.]. In *Missionerskoe obozrenie*. 1997. No. 4. URL: [https://azbyka.ru/otechnik/Vladislav\\_Tsypin/o-molitvennom-obshchenii-s-inoslavnyimi-s-kanonicheskoi-tochki-zreniya/](https://azbyka.ru/otechnik/Vladislav_Tsypin/o-molitvennom-obshchenii-s-inoslavnyimi-s-kanonicheskoi-tochki-zreniya/) (accessed 15.01.2026).

## ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

**С. И. Алексеева. Русская православная церковь и проблемы межконфессионального диалога в годы Первой мировой войны // Петербургский исторический журнал. 2026. № 3. С. 132–142. DOI 10.51255/2311–603X\_2026\_3\_132**

*Аннотация:* Первая мировая война актуализировала проблемы межконфессионального диалога. В отличие от предвоенного периода, решать их приходилось в практической плоскости. Важнейшими среди них были вопросы окормления инославных воинов, молитвенного общения со священнослужителями стран-союзниц по Антанте, обеспечения религиозных потребностей православных военно-служащих на занятых у противника территориях. В целом практика их решения не вышла за пределы позиций, достигнутых Русской православной церковью в ходе предвоенного межконфессионального диалога. В условиях военных действий и нерешенности множества межконфессиональных проблем оптимальной тактикой межрелигиозного диалога оказывалась тактика «надконфессиональной идентичности». Ее инструментом выступал важнейший церковно-правовой принцип икономии. В статье рассматриваются уникальные примеры его применения Русской православной церковью в годы Первой мировой войны, выявленные в хронике журнала «Нива», и отношение к этой практике стран Антанты и церковных властей.

**Ключевые слова:** Русская православная церковь, Первая мировая война, межконфессиональный диалог, надконфессиональная идентичность, икономия, Синод, инославные исповедания, Англиканская церковь, Антанта, военная пропаганда, журнал «Нива».

## FOR CITATION

**S. I. Alekseeva. The Russian Orthodox Church and the Problems of Interfaith Dialogue during the First World War // Petersburg Historical Journal, no. 3, 2026, pp. 132–142. DOI 10.51255/2311–603X\_2026\_3\_132**

*Abstract:* The First World War has updates the problems of interfaith dialogue. Unlike the pre-war period, they had to be resolved in a practical manner. The most important among them were the issues of caring for non-Orthodox soldiers, the issues of prayerful communication with the clergy of the Entente allied countries, the issues of providing for the religious needs of Orthodox military personnel in territories occupied by the enemy. In general, the practice of resolving them did not go beyond the positions reached by the Russian Orthodox Church during the pre-war interfaith dialogue. In the context of military action and the unresolved nature of many interfaith problems, the optimal tactic for interreligious dialogue turned out to be the tactic of “supra-confessional identity”. Its instrument was the most important church-legal principle of oikonomia. The article examines unique examples of its use by the Russian Orthodox Church during the First World War, revealed in the chronicle of the Niva magazine, and the attitude of the Entente countries and church authorities to this practice.

**Key words:** Russian Orthodox Church, World War I, interfaith dialogue, supra-confessional identity, oikonomia, Synod, heterodox confessions, Anglican Church, Triple Entente, war propaganda, Niva magazine.

*Автор:* Алексеева, Светлана Ивановна — к. и. н., доцент, доцент кафедры Б4 «Философия и история России» Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова (Санкт-Петербург, Россия).

*Author:* Alekseeva, Svetlana Ivanovna — PhD in History, docent, associate professor of the Department B4 “Philosophy and History of Russia” of the Baltic State Technical University “VOENMEH” named after D. F. Ustinov (St. Petersburg, Russia).

**E-mail:** svetl.alexeeva2010@yandex.ru  
**ORCID:** 0009-0003-2803-5352